

Антонян Артур Романович

АНТИПЕЛАГИАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В ЛЮТЕРАНСКОМ БОГОСЛОВИИ XVI ВЕКА

В данной статье рассматривается богословская позиция Аврелия Августина, которая получила свой завершённый вид в полемике с британским монахом Пелагием. Автор показывает степень влияния доктринальных концепций Августина на богословие немецкого реформатора Мартина Лютера. Целью работы является выявление причин, обусловивших заимствование Лютером доктрин Августина о первородном грехе и божественном предопределении. Основное внимание автор акцентирует на критическом анализе учений Августина и Лютера о порабощенности человеческой воли.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/3.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 3. С. 18-21. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Булгаков С. Н. Свет Невечерний: созерцания и умозрения / худож. оформ. Б. Ф. Бублик. М. – Харьков: АСТ; Фолио, 2001. 672 с.
6. Булгаков С. Н. Тихие думы. М.: Республика, 1996. 510 с.
7. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
8. Зандер Л. Бог и мир. Миросозерцание о. Сергия Булгакова: в 2-х т. Париж: YMCA PRESS, 1948. Т. 1. 479 с.
9. Шапошников Л. Е., Федоров А. А. История русской религиозной философии: учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 2006. 449 с.

RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF THE GENESIS OF EVIL IN THE CONTEXT OF THEODICY OF THE RUSSIAN RELIGIOUS THINKER S. N. BULGAKOV

Antonenko Viktoriya Vladimirovna
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow
lyubimayaviktoriya@mail.ru

The article is devoted to the religious-philosophical understanding of the insufficiently studied views of the genesis of evil in the context of theodicy of the Russian religious thinker S. N. Bulgakov. The relationship between the notions “Sophia”, “God-manhood”, “good”, “evil”, “freedom”, “responsibility”, “economy” is traced. Within the framework of sophiology S. N. Bulgakov solves the main problems of human existence, develops the doctrine of the world process, which from the act of creation, through being in a fallen condition and before the final Transformation is represented as a “God-man process” and reveals the nature of the emergence of evil in the world.

Key words and phrases: Sofia; God-manhood; good; evil; freedom; responsibility; economy.

УДК 239

Философские науки

В данной статье рассматривается богословская позиция Аврелия Августина, которая получила свой завершённый вид в полемике с британским монахом Пелагием. Автор показывает степень влияния доктринальных концепций Августина на богословие немецкого реформатора Мартина Лютера. Целью работы является выявление причин, обусловивших заимствование Лютером доктрин Августина о первородном грехе и божественном предопределении. Основное внимание автор акцентирует на критическом анализе учений Августина и Лютера о порабощенности человеческой воли.

Ключевые слова и фразы: предопределение; свобода воли; лютеранское богословие; антропология Августина; лютеранская Реформация; философия Августина; доктрина Лютера.

Антонян Артур Романович

*Институт философии и социально-политических наук
Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону
antonyan1917@mail.ru*

АНТИПЕЛАГИАНСКАЯ ПОЗИЦИЯ АВРЕЛИЯ АВГУСТИНА И ЕЕ РЕЦЕПЦИЯ В ЛЮТЕРАНСКОМ БОГОСЛОВИИ XVI ВЕКА

Реформация, несомненно, явилась одним из величайших событий всемирной истории. Без преувеличения можно сказать о том, что доктринальные позиции реформационного движения XVI века оказали непосредственное влияние на последующее духовное, интеллектуальное, социальное, экономическое и политическое формирование европейского общества. Борьба, развернувшаяся фактически сразу после обнародования девяти тезисов, которые Мартин Лютер прибил к дверям Виттенбергского собора, стала началом новой эпохи религиозности на европейском континенте.

В сознании многих людей шестнадцатого столетия Реформация смогла преобразовать такие, казалось бы, обыденные слова, как «вера», «духовность», «религия», и раскрыть их в новом ключе. Реформационное движение имело в своей основе ряд религиозных доктрин, которые в совокупности составляли четко сформулированную идеологическую программу. Однако те религиозные идеи, которыми руководствовались реформаторы шестнадцатого столетия, по своей сути, не были новаторскими. Их источником являлось христианское Священное Писание, а также труды авторов ранней христианской церкви, из которых особо можно выделить Аврелия Августина.

Рассматривая вероучение Августина, нельзя не заметить ту трансформацию доктринальных концепций, которая произошла в зрелый период его уже христианского творчества. Для раннего этапа творчества Августина характерно обилие рационалистических выводов, свойственных античной философской традиции в целом. Относительно природы человека и его способностей Августин в начале своего христианского пути был весьма оптимистичен. Именно разум у Августина имеет значение первостепенной важности. Истина

обретается при помощи ума, просвещенного верой. Пребывание в истине является, как утверждает Августин, пределом человеческого счастья. Именно эта идея свободной возможности постигать истину с помощью разума характеризует ранний этап творчества гиппонского епископа.

В течение девяти лет Августин был приверженцем манихейского учения. Выйдя из секты манихеев, проповедовавших радикальный дуализм, Августин становится последовательным критиком их доктрин. Рассуждая о природе зла [2, с. 27], он отстаивает идею того, что все сотворенное Богом мироздание есть само по себе благое и чистое. Будучи уже христианином, задаваясь целью оправдать библейское повествование о сотворении всего сущего, которое в изначальном состоянии было «хорошо весьма» [3, с. 2], Августин высоко оценивает роль человеческой свободы. Источником же всякого зла в мире он считает свободную волю человека, которая сознательно уклонилась от заповеди Творца. Противостоя манихейскому фатализму, Августин доказывал, что человек свободен в своем нравственном выборе, поэтому детерминированность, обусловленная греховным повреждением человеческой природы, характерная для поздних его работ, поначалу им отрицалась.

Августин был убежден в том, что человек наделен значительными способностями и способен не только услышать призыв Бога к исправлению своей жизни, но и свободно откликнуться на него, сделав шаг в сторону добра. Поэтому Августин прямо осуждал тех, кто отворачивался от призывающего их Бога: “...quod negligis quaerere quod ignores... quod volentem sanare contemnis: ista tua propria peccata sunt” [6]. / «...что ты пренебрегаешь искать то, чего не знаешь... что презираешь Его волю исцелить вас, таковы твои собственные грехи».

Мировоззрение Августина в целом и антропологические концепции в частности сформировались под сильным влиянием идей неоплатонизма. Продолжая неоплатоническую традицию, Августин часто говорит о теле человека всего лишь как о временном пристанище бессмертной души, и поэтому не имеющем столь высокого достоинства, как душа. Душа, по Августину, имеет самобытную субстанцию, поэтому она не является частью телесности, то есть душа – это не качество и не вид тела. По сравнению с телом, она намного более совершенна и не имеет в своем составе ничего материального. Опять же, в отличие от традиционной христианской антропологии, основанной на посланиях апостола Павла и дающей более высокую оценку человеческой телесности, такой уклон в спиритуализм больше характерен для Платона и неоплатоников, от которых Августин многое принес в христианство.

Свойствами души, по Августину, являются мышление, память и воля. Такие рассуждения о душе можно охарактеризовать именно как неоплатонические. Философия античности о душе человека рассуждала примерно так же, но у Августина мы впервые находим утверждение, что источником совершенства души является ее Творец.

Зрелая антропологическая доктрина Августина, сформулированная им в годы его уже епископского служения, основана на предположении о том, что существует два совершенно разных типа людей. В первую группу входили те, которые были избраны Богом и предопределены к вечному спасению, вторая же группа состояла из так называемых «неспасаемых», т.е. определенных к вечной гибели.

Одно из самых знаменитых сочинений Августина – «О граде Божьем» – имеет своим основанием именно эту доктрину. Два Града, представленные в произведении, совершенно противоположны друг другу. Град земной является вместилищем порока, он и являет собой наш греховный мир. Но в нем находится Град Божественный, который состоит из спасаемых Богом людей. Согласно этой концепции, все люди распределены на две категории, а критерием распределения служит вера или неверие. Но, как утверждает Августин, вера в человеке возникает не от его личного желания, она является неким дарованием, подаваемым исключительно по воле Бога.

Августин так и не смог дать четкого ответа на один очень важный вопрос: по какой причине Бог одних отвергает, а других избирает, если вера не является человеческой заслугой, но есть исключительно дар Божий, зависящий от предопределения? Августин признавался, что раньше он предполагал, будто вера не является божественным даром, поэтому должна быть отнесена к человеческим способностям. Результатом такой веры становится приобретение различных дарований от Бога, которые дают возможность благочестивой жизни. Однако позднее Августин начинает опровергать свое прежнее учение, объявляя его ошибочным. Ошибку он видит в том, что, если божественное дарование подается как вознаграждение за человеческие заслуги, то получается, первое становится в зависимость от второго. Для Августина зрелого периода творчества такое положение вещей было неприемлемым. Таким образом, учение о предопределении стало логическим итогом его сотериологических построений.

На формирование зрелой антропологической системы непосредственное влияние оказала полемика Августина с британским монахом Пелагием. Пелагий выступил с резкой критикой августинианского фатализма. В «Послании к Деметриаде» он говорит о том, что свободное произволение в выборе между добром и злом является неотъемлемой частью природы человека. Свободная воля не была упразднена грехопадением Адама, как об этом учил Августин, поэтому роль благодати не является определяющей в деле спасения. Человек спасается сам, божественная благодать же нужна лишь для того, чтобы помогать верующему в его добрых делах: «Всеблагой Творец пожелал, чтобы мы были способны делать и то и другое, но делали бы только одно, а именно добро, как Он и повелел. Он даровал нам возможность творить зло только для того, чтобы мы по собственной нашей воле творили Его волю. Если верно, что мы можем творить также и зло, – это благо. Благо, повторяю я, потому что это усиливает дело добра. Ведь человек добровольно его выбирает, он следует добру не по необходимости, но свободный по праву своему» [5, с. 597].

Учение Августина о немощной человеческой природе и божественном предопределении не были беспочвенны. Обоснование своим новым богословским взглядам он находил в посланиях апостола Павла, которые недвусмысленно указывали на бессилие поврежденного человека в его деле спасения: «Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех. Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! кто избавит меня от сего тела смерти?» [3, с. 1122]. У того же апостола Павла можно легко найти высказывания, явно указывающие на божественное предопределение: «Итак, кого хочет, милует; а кого хочет, ожесточает. Ты скажешь мне: “за что же еще обвиняет? Ибо кто противостанет воле Его?” А ты кто, человек, что споришь с Богом? Изделие скажет ли сделавшему его: “зачем ты меня так сделал?” Не властен ли горшечник над глиною, чтобы из той же смеси сделать один сосуд для почетного употребления, а другой для низкого?» [Там же, с. 1124].

Вооружаясь цитатами из Библии, Августин настойчиво утверждает, что даже само устремление к добродетельной жизни и вере в Бога есть следствие божественного призвания, в котором грешный человек не играет никакой роли. В письме настоятелю Адруметского монастыря Валентину Августин пишет: «Притом Сам Господь не только показывает нам, от какого зла уклоняться и какое добро творить... но и помогает нам уклоняться от зла и творить добро, – и на это никто не способен без духа благодати» [1, с. 218].

Стержнем августинианской антропологии является учение о первородном грехе (*peccatum originale*), основание которому Августин находит в библейском повествовании о грехопадении первых людей. Суть доктрины сводится к тому, что грех первого человека, Адама, стал причиной духовного повреждения всего человеческого рода. Первородный грех вменяется каждому человеку как его личная вина пред Богом. Следствием этого греха явилась полная утрата всех духовных дарований и способностей. Человек, поврежденный первородным грехом, не может своими усилиями приблизиться к Богу.

Бог Сам делает шаг навстречу человеку, спасая его от оков греха. В деле своего спасения человек, по Августину, занимает совершенно пассивное положение. В поврежденном состоянии даже сама мысль о Боге может прийти человеку лишь в том случае, если его коснется божественная благодать. В трактате «О предопределении святых» («*De praedestinatione sanctorum*») Августин говорит о вере, которая является началом обращения человека к Богу, именно как о божественном даре: «...вера, из-за которой мы являемся христианами, есть дар Божий», поэтому Августин строго порицает тех, кто думает, что «веру мы имеем от самих себя...» [Там же, с. 223].

Пелагий всячески критиковал доктрину о немощи и бессилии человеческой природы, полагая, что августинианское учение есть не что иное, как потворство порочным поступкам и желание снять с человека ответственность за них.

Радикально фаталистическая позиция по отношению к человеческим способностям не находила положительного отклика не только у оппонентов Августина, но даже среди его сторонников. В последующие века видные богословы западной церкви, такие как Иоанн Скот Эриугена, Ансельм Кентерберийский, Пьер Абеляр и др., в своих теологических построениях опирались на доктринальные разработки блаженного Августина. Концепцию же о двойном предопределении многие из них предпочитали обходить стороной, либо прямо ее отвергали.

В шестнадцатом столетии антипелагианское богословие Августина нашло своих сторонников среди таких выдающихся деятелей Реформации, как Мартин Лютер и Жан Кальвин. Не подлежит сомнению тот факт, что богословие Мартина Лютера сформировалось под сильнейшим влиянием августинианских идей.

Лютеранская реформация по многим богословским позициям была протестным ответом позднесредневековой католической теологии. Одним из основных обвинений Лютера в адрес Римско-Католической Церкви было то, что она утратила идею о божественной милости и благодати, всецело полагаясь на свои силы и заслуги. Западная церковь ко времени начала реформационной деятельности широко использовала в своей религиозной практике доктрины об индульгенциях, сверхдолжных заслугах и чистилище. Все эти верования, по мнению Лютера, вступали в резкое противоречие с библейским повествованием о Боге, как о милосердном Отце, который прощает искренне кающегося грешника, не требуя от него пожертвования в церковную казну.

Лютер усматривал в современной ему католической доктрине возрождение пелагианского учения. Церковь, по его мнению, перестала искать милости от Бога, возомнив себя способной достигать высот духовного совершенства своими собственными усилиями. Именно человеческие действия, направленные на искупление своих грехов и умилостивление гнева Божьего, стали играть главную роль в деле спасения.

Подвергая критике многие явления религиозной жизни того времени, протестанты не смогли удержаться, чтобы не впасть в противоположные крайности. Борьба против безраздельного господства Папы Римского привела реформаторов к тому, что они фактически отказались от какого-либо внешнего религиозного авторитета, придавая лишь Библии исключительное значение в деле духовного руководства (*sola Scriptura*). Такая же ситуация сложилась со многими религиозными обрядами и священнодействиями. Говоря о лютеранской антропологии, мы не можем не отметить, что и здесь прослеживается явная противоположность католической доктрине.

Зависимость лютеранской антропологической доктрины от концепций блаженного Августина ярко видна в полемических баталиях между Лютером и нидерландским христианским гуманистом Эразмом Роттердамским. Эразм в своем сочинении «О свободе воли» пытался показать свободу человека в его стремлении к Богу. Всемогущество Бога в деле человеческого спасения им вовсе не отрицается. Но человек, по Эразму, способен призвать Бога, т.е. свободно устремить к нему свой взор. Обвиняя немецкого реформатора в искажении христианского учения о человеческой свободе, он пишет, что «Лютер ее изуродовал, отрезав ей сперва только правую руку, а потом, не удовлетворившись этим, просто уничтожил свободную волю и полностью устранил ее» [5, с. 287]. По мнению Эразма, «Августин после борьбы с Пелагием оказался менее прав по отношению к свободной воле, чем был прежде. Лютер же... дошел до того, что вовсе ее уничтожил» [Там же, с. 279].

Мартин Лютер в ответ на критику Эразма написал трактат «О рабстве воли», где он прямо обвиняет своего оппонента в пелагианстве. Иронизируя, Лютер отвечает, что «после пелагиан никто, кроме Эразма, не писал о свободной воле вернее», однако, по мнению Лютера, Эразм в своем учении «далеко превосходит и пелагиан» [Там же, с. 367]. При этом сам Лютер считает себя последователем блаженного Августина, уверенно заявляя, что его учение «совпадает с тем, что думает Августин» [Там же, с. 368].

Так же, как и Августин, Лютер отрицает за человеком всякое стремление к добру, которое было бы приращением человеческой природе, лишенной божественной благодати. Средневековое католическое богословие, уча о спасении, делало большой акцент на человеческих заслугах. Вслед за гиппонским епископом, немецкий реформатор разрывает связь между усилиями человека и его вечной участью: «...если вы претендуете на оправдание делами, какими бы они ни были, – то это то же самое, что... служение Ваалу и целование собственной руки...» [4, с. 27]. Человеческое спасение, по мнению Лютера, зависит исключительно от милостивого Бога и не определяется никакими внешними обстоятельствами. Любая надежда человека на собственную добродетель или заслуги объявляется тщетной. Устремляя взор к истокам христианского учения ранней церкви, Лютер увидел в блаженном Августине тот незамутненный источник веры и благочестия, на основе которого и попытался построить свою богословскую систему.

Католическим концепциям об индульгенциях и сверхдолжных заслугах Лютер противопоставил доктрину оправдания «только верой» (*Sola fide*). Это учение основывается на утверждении того, что никакие человеческие деяния не имеют принципиального значения в деле спасения. Человек спасается исключительно по Божьей милости, которая не может быть чем-то обусловлена. Подвергая критике многие католические постулаты, Лютер, так же как и когда-то Августин в полемике с Пелагием, обосновывает свои позиции ссылками на Библию, преимущественно на Послания апостола Павла. Помимо павловых посланий, Лютер использует антипелагианские трактаты самого Августина. Именно эти два источника и легли в основу лютеранской антропологии и сотериологии.

Список источников

1. **Августин Блаженный.** Антипелагианские сочинения позднего периода. М.: Центр Библейско-патрологических исследований, 2008. 516 с.
2. **Антология средневековой мысли (теология и философия европейского Средневековья):** в 2-х т. / под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретина, Л. В. Бурлак. СПб.: РХГИ, 2001. Т. 1. 539 с.
3. **Библия.** Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание миссионерского общества «Новая жизнь», 1991. 1220 с.
4. **Лютер М.** Избранные произведения / ред.-сост. А. П. Андрюшкин; пер. с нем. К. С. Комарова, Ю. А. Голубкина, Ю. М. Кагана. М.: Андреев и согласие, 1994. 427 с.
5. **Эразм Роттердамский.** Философские произведения. М.: Наука, 1986. 702 с.
6. **Santo Augustin.** De Moribus Ecclesiae Catholicae et de Moribus Manichaeorum libri duo [Электронный ресурс]. URL: <http://www.augustinus.it/latino/costumi/index2.htm> (дата обращения: 26.10.2017).

AUGUSTINE OF HIPPO'S ANTIPELAGIAN POSITION AND ITS RECEPTION IN LUTHERAN THEOLOGY OF THE XVI CENTURY

Antonyan Artur Romanovich

*Institute of Philosophy and Social-Political Sciences of Southern Federal University, Rostov-on-Don
antonyan1917@mail.ru*

This article examines Augustine of Hippo's theological position that received its final form in the polemics with the British monk Pelagius. The author shows the degree of influence of Augustine's doctrinal conceptions on the German reformer Martin Luther's theology. The purpose of the work is to identify the reasons that stipulated Luther's borrowing of Augustine's doctrines about the original sin and divine decree. The author focuses on a critical analysis of Augustine's and Luther's teachings about the subordination of the human will.

Key words and phrases: decree; freedom of will; Lutheran theology; Augustine's anthropology; Lutheran Reformation; Augustine's philosophy; Luther's doctrine.